

С. САХАРНОВ

ЧТО Я ВИДЕЛ В ТАНЗАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1981

Нам самолёт летел над Африкой.

Внизу были степи: зелёная — там, где ещё росла трава, а жёлтая — там, где траву уже сжигали безжалостные африканские ослы.

Внизу над крылом появилось, подпрыгнуло белое пятно. Я присмотрелся и понял — это лежал на вершине одинокой Великой горы снег. Горы поднимались, становились всё выше и выше.

Снег на вершине вулканной горы Килиманджаро.

Снег в Африке!

ДАР-ЭС-САЛАМ

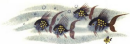
Мы прилетели в слонаду Танзании в город Дар-эс-Салам. Он стоит на берегу океана, в нём всегда влажно и душно. Утро здесь начинается рано. Ещё небо над океаном начинает светлеть, на улицах раздаётся урчание грузовиков и скрип повозок—едут на базар торговать местными дарами. Плынут по улицам горы кокосовых орехов, бананы в бумажных мешках, бидоны с молоком. Распахиваются железные двери магазинов. По тротуарам шаркают санки, журчат вода—слити подмывают у витрин. За нами ярко наблюдает солнце.

А в порту работа не утихла и ночью—и сейчас скрипят лебёдки, гремит цепь. Красным облачком проплыл над причалом белый флаг—советский пароход привёз танзанийцам тракторы и комбайны.

ОКЕАН

На север и на юг от Дар-эс-Салама — низкие песчаные берега. У самой воды растут вечнозеленые пальмы, прижатые к ветру их длинные колючие листья. Ветер кланет пальмы, гонит к берегу серые волны. Не добегая до берега, волны спрессовываются под водой в каменные гряды — рифы. Здесь всегда полно рыбок. С плеском поднимаются в воду сети. Настроению их по дну поднимаются красные, колючие, голубые деревья. Это кораллы — причудливые каменные постройки, на возмели крошечные морские животные.

В коралловых лесах, под донцами рыбачьих лодок, торжествует жизнь, как птицы, рыбы.

Берегитесь, рыбы, — идет сеть!

АКУЛА

Как-то два рыбака ловили на рифе макрель. Эта золотистая красивая рыба очень капризна и, бывает, в течение целого дня не берёт приманку.

Рыбакам не везло, они уже хотели собирать снасти, как вдруг леску дернула. Рыбак потянул, леска надрывалась и сама повисла подкуп. На воде медленно всплыла чёрный плавник.

— Акула! — крикнул второй рыбак. — Рывь леску! Скорее!

Но его товарищ продолжал то подгибать, то отпускать снасть. Он понимал, что ничего не сможет поделать с такой рыбешкой — да крошечного веса!

Вдруг акула нырнула и... пошла в чью-то сеть. Подошли хозяева сети, вместе вытащили хищницу. Она еле поместилась в лодку!

На берегу рыбаки раздали рыбу. Акулье мясо они отдали собакам, акулий черепок с треугольниками, как ножи, зубами продали туристам, а кожу поделили между собой.

На акулий коже ловко точат ножи, а маленькими её кусочками рыбаки готовят котлеты и оладьи.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Однажды мы поехали на машине в глубь страны. Дорога была длинная, и я задремал. Проснулся от сильного тормоза. На обочине дороги сидели старик и мальчик. Перед ними был растопленный простой камень, а на нём стояли деревянные статуэтки.

Я выпрыгнул из автомобиля и подошёл к ним. Старик протянул мне статуэтку, а мальчик продолжал работать. Поднял в глыбе остро заточенный топорик, он приделывался к наносил удар. Лохмотья стружка отделилась от куска чёрного дерева, уступала пыльям, поначалу. В дело вошёл нож — и появилась скульптура курчавой головы... Я взял в руки статуэтку. Чёрные человечки стояли один на другом. Их ноги и руки переплетались. «Мы — на плечах друг у друга, мы — люди — одна семья!»

ТРАКТОР

Вдоль дороги тянется пашня. На ней работают быки. Большерогие животные, таща за собой плуги, бредут по красной земле. Следом идут женщины и бросают в борозду семена бобов. Быки идут медленно, пока они дойдут до конца поля, женщины успевают удалиться и говорить.

На краю одной деревни нам попался трактор—новый, блестящий. Вокруг за собой плуг, он весело катился по полю. За трактором бежали люди, они нагибались и проверяли: не падет ли машина зряже бобов? Это была деревня удивлен. Люди в такой деревне работают оследа.

МУЗЕЙ В БАГАМОНО

В городке Багамонго на берегу озера в большом старинном каменном здании — музей. В нём собраны щиты, копья, топыги — с ними африканцы когда-то сражались, воевали, возделывали землю. И ещё я увидел там щепы. Много щеп. Когда-то орды из Бароты и Алии покупали у местных царьков людей. Закованных в цепи рабов гнали через всю страну к озеру. В Багамонго был большой невольничий рынок. Купленные рабы увозили за озеро. «Багамонго» на языке африканцев значит: «Остань здесь свой сердце»...

Кроме щеп в музее стоят верёвки — к ним привязывали военачальников и детей, и лежат колодки — в них забивали непокорных.

ВОССТАНИЕ НА КОРАБЛЕ

В музее мне рассказали такую историю.

Орионцы у африканского берега стали на якорь корабль. Купцы торговали у местного царя пальмов человеком: за мужчине давали ружьё, за женщиной — горсть перлов.

Рабов привезли на парусник и заперли в трюм. Там было так тесно, что люди спали стоя. Еду им давали раз в день.

— Лучше смерти! — решили узники.

Они зацепили к себе через лес солдат и отнесли у него ружьё. Стреляя, вырвались на палубу. Купцы и команда бежали.

Теперь корабль был в руках восставших. Но как подняться на якорь? Как управлять парусами? Этому они не знали.

На корабле, которые стояли неподалёку, уже сыграли тревогу. Лодки солдатами окружили маленький парусник.

И тогда рабы подожгли свой корабль. Огонь выбился на палубу. Охватил борта. Подошёл к пороховому погребу... Прогорел весь.

Гордые люди не смирились с потерей свободы.

ШКОЛА

На полпути между Биганофо и Дар-эс-Саламом стоит новый дружелюбный дом с верандой. Перед ним растёт дерево бабблы, а за домом раскинулся овраг.

Этот дом — школа для девочек. После учёбы они снимают белые блузки и зелёные юбки на пёстрые лёгкие платья, надевают колпак и ползунки прощай.

В гости к ним приводят мальчишки. Дерево бабблы такое большое, что под ним можно играть в футбол. Девочки считают забитые голы и кричат:

— Ки-до-га!

— Ки-до-га!

«Ки-до-га» — это значит «много».

В школе в урывках разговор двух девочек.

— Четыре получила сегодня по английскому, Дженни!

— Шестьдесят.

— Всего-то!

Я удивлена!

— Это что, у вас такое отчество? Я тоже училась в школе. Так у меня по английскому было «четыре»!

Девочки захохотали. На чёрные юбки драмала, туго короткими косичками подпрыгивали.

— У нас самая лучшая отметка «четыре», — сказала Дженни. — «Шестьдесят» это так себе. А ведь «пятьдесят»...

Девочки снова засмеялись и весело закричали:

— Ки-до-га!

ОГОРОД

На школьном огороде чёрные бабы выгос по ковышкам, а жёлтые тыквы лежат, утонувшись в земле, как поросёта.

При мне случалась такая история. Посмотрели девочки в окно — а тыквы шевелются! Одна даже приподнялась и вприпрыжку пошла по огороду.

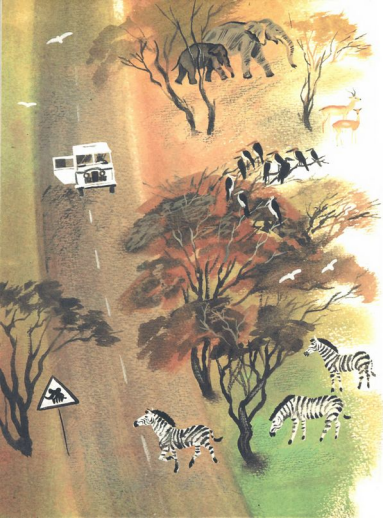
— Обезьяны! Обезьяны! — закричали девочки.

В огороде было полно обезьян. Серо-зелёные бабуны сидели между грядками, набивали себе зобчики мешком спелыми помидорами, рылись тыквы и с круглым надкусывали их. Увидев бегущих девочек, обезьяны неистово подпрыгивали.

— Зелёные зоры, как вам не стыдно! Разве это вы копали землю?! — кричали девочки. — Разве это вы пахали грядки!.. Не ходите больше сюда!

Обезьяны бегали прочь. Впереди шли мамы, на них верхом сидели детишки. Позади ковылаи большой, прикостый, как лев, папа-бабун.

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Наш автомобиль едет по дороге. Пассажиры, как по команде, поворачивают головы направо. В густой войлочной траве — слонёна со слонёнком. Мать опускает кобел в траву, берёт сына полерёби животом, ставит головой от дороги и идёт прочь. Слонёнку очень интересно, что делают эти странные белые существа в железном урнащем ящике! Он оборачивается, вытягивает кобелом в нашу сторону и шевелит воздухом. Мы поднимаем фотоаппараты и снимаем на.

В заповеднике звери не боятся людей.

Однажды автомобиль с туркитами слезшим. Близко подъехала к дереву, под которым отдыхали львы. Львы очень удивлены. Самый большой встал, подошёл к автомобилю и повиснул его. Автомобиль как автомобиль! Тогда лев поднял голову и уткнулся в ветровое стекло нгуншу. Это что-то новое! Он вспрыгнул на капот и поскриб латой стекло. Люди в машине занервничали от ужаса. Леву этого показалось мало — он прыгнул на крышу, та рухнула — раздался людской вола! Испуганный лев, как бомба, взлетел в воздух и бросился наутёк. Шофёр выключил сразу большую скорость... Они носились по степи в разные стороны испуганные туркиты и ещё более испуганный зверь.

ЗАСУХА

К концу лета травы в заповеднике желтеют, дно пересохишего озера покрывается, как парусиной, сетью трещин, одинокие птицы—грифы висят в небе, словно черные пятна—они выжидают целые группы паразитов-молочаев.

И тогда над степью поднимается коричневое облако. Слышится отдаленный, похожий на рокот моря, гул. На равнине показываются стада зебр. Плотными рядами идут носороги-черные гну, ручейками бегут коричневые мыслы, маршируют зебры. Живой поток катится по равнине: засуха гонит обитателей степи к берегам далекого озера Виктория-Укорева.

ДОЖДЬ

День кончается так.

Однажды в белёсом небе появилось облачко. Оно пришло со стороны океана. Живот, утомящийся жарой и жаждой, с надеждой поднимала головы, чтобы взглянуть на него.

За первым облачком появилось второе. Небо покрыла облачная пелена. Слоны, которые до этого прятались в тени, вышли из-под деревьев и, поднимая вверх хоботы, стали идти.

На дорогу упали первые капли. Они звонко шлёпали о сухую землю, поднимая фонтанчики пыли. Хлынул дождь. Белая стена поднялась от земли до неба.

Мы надленно валили по дороге, а рядом так же надленно, скрытые пеленой дождя, плыли какие-то коричневые пятна. Это шли и водопойные слоны.

«РАЗЛИНОВАННЫЙ ОСЛИК»

Перед отъездом я решил снова побывать в школе. На этот раз я пошёл в школу к мальчикам. У них был урок рисования.

— Мне бы очень хотелось, ребята, чтобы вы в подарок советским школьникам нарисовали что-нибудь, — сказал я.

Курчовые головы, как по команде, склонились над тетрадками. Я посмотрел, что выводит карандаши и фломастеры.

— Стоп, стоп! Футболистов, автомобили и самолёты рисовать не надо — их и у нас хватает. Нарисуйте что-

нибудь такое, чего в нашей стране нет. Ну, кто, например, из нас хорошо знает животных?

— Петер Кома! — выдохнули разом ученики. — Он же в деревне около самого Килиманджаро. Он видел зверей каждый день.

— Я нарису вам ослика! — сказал, подумав, Петер.

— Зачем? Ослики есть и у нас!

Но Петер уже быстро водил оранжевым и чёрным фломастерами по бумаге. Закончив, он протянул мне рисунок. Это была зебра.

— Правда нилла — разноцветный ослик, так мы её зовём её, — сказал он. — СоАди!

— Конечно!

*Мы улетели из Дар-э-Салама в гонимый французскими войсками Восток.
Летел с двумя пилотами.*

*Дошли поляны колосистых пшениц, изрытые поля, которыми
окружен мирный дом.*

*Самолёт летел, промчал над Валаандо, над лесом и равниной
взмывающей. Минуты летели и стужа не разогрелась.*

*Зато, когда мы пролетали над Валаандою, я увидел не-
толь и стужу и посмотрел вниз. Около серой горы, ниже её
скальной вершины, ниже поросших густыми лесами склонов, на
равнине бродили серые волки. Это показался стадо овца моего.*

Прощай, французский солдат!

Прощай, Валаанда!

